

Работа над поэмой «Таборная гора» заняла семь лет и была закончена Владимиром Макаренковым в 2007 году. А широкую известность завоевала в следующем десятилетии, особенно в последние годы. К ее читателям присоединились и радиослушатели, и театралы, и интернет-зрители, по достоинству оценившие драматургическую версию произведения, первоначально записанную для местного радио, а в итоге растиражированную на аудиоальбоме «Я родом из шестидесятых» (2015 г., библиотечка альманаха «Под часами», издан при поддержке Министерства культуры России, Союза российских писателей и Смоленской Администрации), а затем и ее театрализацию – спектакли, поставленные при участии самого поэта его друзьями – режиссером, артистами, музыкантами – в Смоленском Доме актера, Смоленском камерном театре и на других сценах учреждений культуры родины поэта – города Смоленска. Между тем мало кто решился бы предсказать такой многосторонний успех большой поэме – спустя почти десятилетие после ее создания, да к тому же с сюжетной основой, опирающейся на события девяностых, уходящих в историю, годов прошлого века. Ведь сколько с той поры написано и опубликовано стихов, поэм, рассказов, повестей, романов – и практически почти вся масса этой литературной продукции, как-то удивительно быстро устаревая, отсекается небывалым ускорением темпов изменений в политике и в экономике, в обществе и в быту, а если коротко – в жизни народа и в жизни страны. Чем же тогда объяснить безусловный интерес читателей, слушателей, зрителей к произведению, как бы заведомо отстающему от сегодняшнего дня хотя бы уже

одной своей обращенностью к событиям дня вчерашнего? Чем, попросту говоря, объяснить нестареющую актуальность поэмы?

Первый и самый очевидный, хотя и не исчерпывающий, аргумент такого объяснения – высокий поэтический уровень текста произведения, высокая культура языка и одновременно его народность в самом лучшем, если хотите, классическом понимании этого слова. Языка смоленской поэтической школы, достойно утвердившейся в русской поэзии творчеством Рыленкова, Исаковского и, конечно же, Твардовского.

К этому аргументу, по-видимому, следует подключить непринужденность, свободу дружеского, доверительного общения автора с читателями поэмы, которая сразу же завоевывает сначала внимание, а затем – искреннее душевное расположение и сопереживание слушателей и зрителей. А достигаются и непринужденность, и свобода тем, что с острейшей сердечной болью поведенные автором самые драматические и трагические моменты из истории простой русской женщины Тани, раскрываются им в исключительно четком и остром сочетании с честным разговором о тех конкретных условиях и реальных проблемах, в которых складывались нелегкие судьбы и самой Тани и ее современников. Условия и проблемы, которые, точно по какой-то недоброй закономерности, лишь в чем-то меняя внешние признаки, в существе своем так и переходят от поколения к поколению, становясь, пожалуй, лишь хитрее, изворотливее, а подчас и наглее.

И не случайно автор, чувствуя серьезность и ответственность такого открытого

разговора уже со своими современниками, признается:

Страшно, муторно и больно
Ровно двигаться вперед,
Будто слышится: – Довольно
будоражить зря народ!

И в одном из естественно необходимых в таких случаях отступлений касательно вполне возможных чиновничьих претензий к его несанкционированным «свыше» размышлениям, – в отступлении, чем-то напоминающем спор поэта с его критиком в поэме Твардовского «За далью даль», дает слово и своему критику, выкладываящему извечные претензии бюрократа к «свободомыслию» литератора:

Тут чиновник скажет: – Слишком
что-то тема в стороне.

Был бы ум, а то умишком
Размышляет о стране!

.....

Будь ты хоть какой писатель,
Против чина не попрёшь!

В другом отступлении от лица всё того же обличителя еще и подозрение добавляется в том, что «автор – заграничный соловей, антирусский агитатор против Родины своей». И совершенно естественно, что автору, бывшему офицеру и действующей армии, и бдительной охраны внутреннего порядка, воспринимать такие «предположения» по меньшей мере оскорбительно. К счастью, поэт своим произведением обращается не к чиновнику, а к другу-читателю. Который и понимает, и верит признанию автора, сделанному в первых сроках его поэмы: «Ради праведного смысла поведу всерьез рассказ». Как же искренне выбрано для слова «смысл» именно это определение, это слово – «праведный». Не только религиозно-православно благочестивый, но – сообразный с чистой совестью, с безоглядной, исповедальной прав-

дивностью и неуступчиво-требовательной нравственностью.

Именно этот смысл заложен в основное повествование поэмы, ее художественную вершину – «Монолог Тани». В нем – предельно краткий, но потрясающе живой, образный подбор житейских, подчас драматических, а порой и трагических эпизодов нелегкой судьбы простой русской женщины. Прошедшей через тяжкие испытания фашистской оккупации военного времени, заложившие в детский организм пожизненное бремя не позволяющей забыть о себе болезни. Сумевшей вопреки всем выпавшим на ее долю препятствиям создать семью, «работой на совесть, созидательным трудом» вместе с тружеником-мужем поставить дом, наладить и вести хозяйство, поднять детей. А сверх того, экономя на всем, собрать на сберкнижке в качестве надежной поддержки семейного благополучия «двадцать лет труда».

И вот она – перестройка. С ускорением на базе самых современных достижений науки и техники. С опорой на живое творчество масс. С гласностью, направленной на искоренение всех недостатков, мешающих здоровому развитию экономики и социальному организму страны. Так это всё декларировалось. А как это всё случилось на деле – в конкретной судьбе реальной, живой Тани?

Жизнь работала. И только
Стала пенсией горда –
Разразилась перестройка.
Что пошла за чехарда!

.....

Потеряла со сберкнижки
Двадцать лет труда...за день!

Перестройка!.. Горя сколько!
И ни в чём ничьей вины!
Не досталась даже долька
Каравая всей страны.

Да, конечно же, это не одной только Тани несчастье. Не зря предупреждал автор, что пишет и о Тане, и, вместе с ней, как бы о всех, таких, как она – то есть о большинстве ее современниц. Ну, а где современницы – там и современники. С небольшим, но, думается, очень существенным уточнением. Касающемся восклицательного знака в предложении «И ни в чем ничьей вины!» Не будет ли правильнее здесь знак вопросительный? Да, он как бы подразумевается ироничностью этой фразы. Но ведь она сохранится, да, пожалуй, еще и усилится вопросительным нажимом?

Может, и не стоило бы лезть с подсказкой к опытному, талантливому поэту. Дело тут в том, что с этим вопросом намного проще перейти к другому вопросу, который, как и многие другие вопросы, возникает по той причине, что всем своим содержанием, как и каждой своей строкой, поэма будит не только наши чувства, но и мысли. Требовательно призывает не только прочувствовать всё произведение, не только осмыслить его в общем и целом, но на пути к этому цельному прочувствованию и осмыслению вникнуть душой и мыслью в каждый ее образ, не упуская в нем из внимания ни одного слова. И тогда рамки поэмы как бы раздвигаются, смыкаясь с тем, что волнует нас и нынче, ставя перед проблемами уже сегодняшнего и завтрашнего дней.

И одна из таких, раздвигающих рамки поэмы, не теряющих болезненной остроты, проблем – итоги приватизации. Припомним-ка, кто только и как только не призывал и продолжает призывать россиян в унаследованной им от Советского союза независимой России покаяться в грехах советской власти. Повиниться за все ее прегрешения, а по особо ретивым утверждениям даже и за преступления. Можно ли назвать такой подход справедливым? Вряд ли. И тем более – актуальным? На этот счет сомнений еще больше. Уж если есть ныне самый актуальный и с

экономической, и с юридической, и с политической, и с нравственной точек зрения вопрос – так это именно приватизация и ее итоги. И если уж кому-то в чем-нибудь и надо повиниться – так в том, что таким, как Таня, а вместе с ней – подавляющему большинству трудящегося населения России «не досталась даже долька каравая всей страны». Ведь именно несправедливая приватизация свернула страну на какой-то кривой путь, с множеством расставленных на этом пути трудностей, препятствий и неудач, ложащихся на плечи опять же таких, как Таня, – теперь уже ее детей и внуков...

А дети у нее – замечательные.

Не чиновники, не воры,
Труд по найму продают, –
Не пустые разговоры.
Хорошо еще не пьют!

Очень существенное замечание. Да и не могла Таня, а с ней и автор обойти эту большую российскую проблему.

В наше время многим кроме
Водки нечем дух занять...
.....

Крепко с водкою дружна
Матушка-Россия.
Русским выпивка нужна
Как анестезия.

В отступлении «Баллада о гематоме» названа «навскидку» пара причин, как бы намечающих диапазон вообще всех, – от сугубо бытовых до смысложизненных, когда русскому человеку как бы и невозможно обойтись без такой «анестезии»: «У кого ушла жена, или хлестче новость. У кого поражена, словно печень, совесть...». Не будем углубляться в раздумья об этих причинах, хотя и подталкивает к ним желание как-то увязать большинство из них с тем местом в жизни и теми ее

условиями, которые выпадают на долю человека.

Об этом как раз и идет «прямая речь» в «Балладе...», яркая, с болью, состраданием, негодованием, осуждением... И все же хотелось бы, чтобы автор, в ущерб художественности, а в чем-то и правдивости, подводя итог поэтического рассказа о трудовой жизни и трагической смерти любителя выпить с получки пожилого шофера, не смягчал этот итог уклончивыми словами: «...Погиб Шофёр! Не чиновник и не вор...» Ведь же не погиб шофер – а убит. Шел, пошатываясь, «на автопилоте», домой. Шел тихо, мирно и даже с цветами в руке. И стал легкой добычей местной шпаны, избившей его до смерти за углом от его дома. Так за это убийство и не наказанной... И далее: «Жил, как мог, пришел черед – умер...» Как-то уж очень это всё отстраненно. Ну, жил, как мог – то есть безупречным трудом даже квартиры не заработал. Оттого, может быть, и стала для него единственным утешением эта традиционная выпивка с получки. «Пришел черед...» – это как понимать? Очередь, что ли, подошла? Умереть? Или – подошел черед быть шпаной убитым? Такие вполне возможные толкования авторского текста ничуть, на наш взгляд, не противоречат, а, может статься, даже усиливают крепкий, как афоризм, заключительный авторский вывод: «Государство и народ – не одно и то же».

Должен сказать, что эти частные замечания никоим образом не снижают самой высокой оценки этой яркой и серьезной поэмы, глубоко лирической и публицистической, посвященной одной героине и в то же время рассказанной о ней с эпическим размахом, замечательной своей цельностью, стройной логичностью – при необычной, оригинальной, сложной и точно выверенной композиции.

Ну а финал поэмы – одно из высших достижений проникновенной поэтичности Владимира Макаренкова. Приведем его полностью. Это и будет лучшим завершением наших заметок.

Может, жизненная драма.
Может, вымысел пера.
Не сдержать мне слёзы...
Мама...мама...мама умерла.

У небес чудес не просим.
От Земли давно не ждем.
В мыслях – осень, в сердце – осень!
Жизнь – у грусти под дождём.

Потихоньку, понемногу
Отсыревшая листва
Стелет скользкую дорогу
За пределы естества.

Если там и нету рая,
Без притворства и игры
Будем верить, замирая,
В параллельные миры.